

В восприятии крестьянского поведения со стороны казанских помещиков четко отразились общие черты социального самочувствия помещенного дворянства накануне реформирования деревни: наличие определенных предубеждений по поводу общинного протеста, которые с одной стороны поддерживались различными слухами крестьян о «воле», а с другой – обосновывали уверенность консервативной части благородного общества в неизбежности крупных волн народного недовольства. Накануне преобразований все это лишь усиливало уже возникший межсословный раскол.

### **Библиографический список**

1. Давыдов М.А. Теорема Столыпина. Санкт-Петербург, 2022.
2. Егоров А.К. Крестьянские волнения первой половины XIX века в контексте социально-политических и религиозных представлений русского крестьянства. Петрозаводск, 2006.
3. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ф. 8.
4. Половцев Ф.А. Из воспоминаний 1859-1861 годов // Исторический вестник. Санкт-Петербург, 1907. Т. 109-110.
5. Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2(93).

**Д.А. Федотов**

*Самарский национальный исследовательский университет*

## **ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ С ИНОВЕРЦАМИ: ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ НА УЧАСТКАХ, ПРОБЛЕМЫ И ВЛИЯНИЕ**

Институт земских начальников как особый тип органов местного управления был учрежден в ходе реформ, проводившихся при Александре III, и по-прежнему не имеет в историографии устоявшейся, общепризнанной оценки. В научной традиции преобладает взгляд, согласно которому земские начальники трактуются, прежде всего, как представители бюрократического аппарата; при этом исследователи неоднократно фиксировали факты административного произвола в их деятельности [2; 3]. Однако в последние десятилетия наметился отчетливый отход от односторонней интерпретации. В ряде работ институт земских начальников рассматривается не как неизменная, статичная структура, а как орган, развивавшийся во времени и приспособивавшийся к актуальным потребностям государства, меняющимся социальным, экономическим и политическим условиям жизни [1; 5].

Особый интерес представляет изучение деятельности земских начальников в окраинных губерниях, где преобладал инородческий, в том числе магометанский, компонент населения. В Поволжье наблюдались специ-

фические черты, связанные с многонациональным составом, разнообразием религиозных конфессий и вытекающими из этого особенностями экономики и управленческих практик. Земские начальники Самарской губернии функционировали на стыке центральных регламентов и локальных культурных практик в условиях этноконфессионального многообразия. Это требовало не только формирования нормативной базы, но и оперативной адаптации управленческих действий на местах.

В Самарской губернии наблюдалась редкая для регионов ситуация, когда немецкие волости (8,15% населения губернии на 1897 год) соседствовали с татарскими деревнями (6,0% населения губернии на 1897 год) [4, с. 86-87] в пределах одного участка — это требовало синхронизации образовательных проектов, медицинского обслуживания и системы опеки так, чтобы не усиливать напряженность между общинами и сохранить доверие местной администрации.

Одной из главных функций земских начальников была религиозная политика и обеспечение правопорядка: устанавливались рамки для взаимодействия с религиозными общинами, реализовывались надзорные и регуляторные процедуры по религиозной жизни, формируя при этом и возникающие риски для правопорядка. Важную роль здесь играли региональные вариации внутри губернии: различия между уездами и волостями по составу населения, по уровню экономического развития и по наличию систем поддержки для иноверцев, а также различия в реакции местной администрации и населения на предпринимаемые меры. Так, например, в одном из участков Новоузенского уезда Самарской губернии земский начальник стремился расширить опыт немецкого населения по содержанию больницы в с. Старица за счет барышей ссудо-сберегательной кассы с помощью открытия сельского банка для трех волостей участка, а также учитывал, по информации ревизора, религиозные особенности и традиции для эффективного сбора недоимок, так, что «годовой оклад был внесен полностью за год вперед». Встречались ситуации, в которых земские начальники не учитывали этноконфессиональных особенностей. Они «допускали циркуляры и разъяснения, касающиеся религиозной жизни народа, указывая на то, что не-православный человек не может быть верным слуге Православного Царя, может возбудить недоверие среди крестьян и может привести к крайне печальным столкновениям» [6, л. 2].

Важными направлениями деятельности земских начальников были здравоохранение и социальная опека: земские органы обеспечивали доступ к медицинским услугам и социальным благам для разноязычных и этноконфессиональных групп, используя различные финансовые схемы для поддержки больниц, аптек и опекунских учреждений.

Так, например, земские начальники поддерживали традиции, при которых у немцев были избраны особые ревизионные комиссии для текущего надзора за опеками, с докладами сходу. Интересы сирот оберегались ста-

рым обычаем, в силу которого общество не позволяет вдовцу или вдове вступать во второй брак, пока не сдадут полностью сиротского имущества и пока не будет вполне устроение сиротское дело» [6, л. 7].

Кроме того, кадровая политика в губернии учитывала этноконфессиональные особенности региона. Так, по итогам ревизии, было рекомендовано сменить земского начальника в связи с тем, что «Участок большой, с русским и татарским населением (татары в четырех огромных деревнях Осиновогайской волости), который требует знающего дело и энергичного начальника» [6, л. 7] Этот фрагмент подчеркивает необходимость оперативного, компетентного руководства в условиях смешанного населения, где баланс интересов различных конфессий и языков требует тонкой управленческой компетенции.

Подводя итоги, отметим, что анализ материалов по Самарской губернии демонстрирует, что эффективное управление этноконфессиональным многообразием требовало органического сочетания экономических инструментов и правовых рамок. При этом результативность земских начальников на местах определялась не столько формальным соблюдением регламентов и наличием бюджетного финансирования, сколько способностью адаптировать административное поведение к специфике конкретного участка.

### **Библиографический список**

1. Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889-1917 гг.: дис. ... к.и.н. Тамбов, 2005.
2. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970.
3. Кожухар К. Я. Земские начальники // Вестник права. 1905. № 5, 8, 9.
4. Леонтьева О.Б. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в. по данным статистических источников // Вестник СамГУ. 2013. №8/2.
5. Мамонт Е.В. Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891-1914 гг.: направления деятельности и социальный облик: дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2017.
6. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 342. Оп. 1. Д. 65.

**М.С. Иванова**

*Оренбургский государственный педагогический университет*

### **ПРАКТИКА ПЕРЕНОСА ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ: МАРГИНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ СТОЛИЦЫ И ОРЕНБУРГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Набор методов имперской России по борьбе с проституцией изменялся на протяжении всего ее существования. Смена курса на противостояние с венерическими заболеваниями, а не с самим явлением, обусловила потерю популярности административной высылки как основного средства борьбы.